

Роль конфуцианской этики во внешнеполитических установках современного Китая

Ли Сяосюань

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; sherrysuan931009@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является анализ значения философско-этических постулатов конфуцианства для современной внешней политики Китая. Для достижения поставленной цели в статье потребовалось привлечение методов теоретического исследования: анализа, синтеза, абстрагирования, а также формально-логического метода. Эволюция внешнеполитических установок Китая исследована с позиций исторического метода. Результатом стал анализ роли и значения конфуцианского учения и, в частности, его этического компонента, для формирования современной внешнеполитической доктрины Китая. На примере реализации политики мягкой силы показано воплощение основных этических постулатов конфуцианства во внешней политике китайского государства под руководством Си Цзиньпина. Отмечается роль Институтов Конфуция в реализации политики мягкой силы. Выявлено значение этики конфуцианства для современной международной политики Китая в части, касающейся инклюзивной ориентации страны на гармоничное и дружественное сосуществование с основными партнерами в глобальном масштабе. Сделаны выводы о том, что глубокое понимание конфуцианской мысли обогащает понимание современной внешней политики Китая и, в частности, того, как глава китайского государства Си Цзиньпин пытается обратиться к глобальной аудитории.

Ключевые слова: мягкая сила, дипломатия, культура, экспансия, конфуцианство

Для цитирования: Ли Сяосюань. Роль конфуцианской этики во внешнеполитических установках современного Китая // Управленческое консультирование. 2022. № 5. С. 132–140.

The Role of Confucian Ethics in the Foreign Policy Directions of Modern China

Li Xiaoxuan

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; sherrysuan931009@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the significance of the philosophical and ethical postulates of Confucianism for China's modern foreign policy. To achieve this goal, the article required the use of theoretical research methods: analysis, synthesis, abstraction, as well as the formal logical method. The evolution of China's foreign policy attitudes is studied from the standpoint of the historical method. The result was an analysis of the role and significance of the Confucian doctrine and, in particular, its ethical component, for the formation of China's modern foreign policy doctrine. The example of the implementation of the policy of soft power shows the embodiment of the main ethical postulates of Confucianism in the foreign policy of the Chinese state under the leadership of Xi Jinping. The role of Confucius Institutes in the implementation of soft power policy is noted. The significance of the ethics of Confucianism for China's modern international policy in terms of the country's inclusive orientation towards harmonious and friendly coexistence with major partners on a global scale is revealed. It is concluded that a deep understanding of Confucian thought enriches the understanding of China's modern foreign policy and, in particular, how the head of the Chinese state, Xi Jinping, is trying to appeal to a global audience.

Keywords: soft power, diplomacy, culture, expansion, Confucianism

Введение

Актуальность обращения к анализу конфуцианского влияния на внешнеполитическую стратегию современного Китая обусловлена рядом обстоятельств. На протяжении большей части своей истории китайское общество находилось под сильным влиянием идей конфуцианства. На фоне впечатляющего экономического роста и модернизации общественной жизни Китай пытается осознать свою роль и положение в мире. Страна приобрела статус великой державы, пользуясь политикой мягкой силы, не прибегающей к принуждению. Для этого Китай вернулся к своим древним философским традициям и принципам. Страна, по-видимому, отказалась от революционных и наступательных взглядов маоистской эпохи и перешла от «сдержанности» к «мирному развитию» и «совместному развитию». Мягкая сила Китая основывается на его растущем экономическом потенциале, который стал основным инструментом внешней политики Китая в новом тысячелетии. В связи с этим обращение к тематике конфуцианского влияния на внешнюю политику является актуальным и своевременным.

Материалы и методы

Теоретической основой для реконструкции влияния конфуцианской этики на внешнеполитические установки современного Китая являются публичные выступления китайского лидера, а также опубликованные материалы аналитической направленности, в которых производится исследование внешней политики современного Китая. Для достижения поставленной цели в статье потребовалось привлечение методов теоретического исследования: анализа, синтеза, абстрагирования, а также формально-логического метода. Эволюция внешнеполитических установок Китая исследована с позиций исторического метода.

Результаты

Считается, что Конфуций родился в 551 г. до н.э. на территории нынешней провинции Шаньдун, на восточном побережье Китая. Самая известная работа, связанная с ним, — «Аналекты», — представляет собой сборник его афоризмов, записанных учениками, опубликованный после его смерти в 479 г. до н.э. [23, с. 22] Со временем его принципы стали ассоциироваться с традиционными китайскими ценностями, такими как упорядоченное общество, почтение к старшим и уважение правителей. На протяжении веков государственным служащим приходилось сдавать экзамен, основанный на конфуцианских текстах [9, с. 141].

Лишь в XX в. его идеи впали в немилость. На рубеже 1900-х гг., при угасающей династии Цин, Китай боролся за модернизацию. Технологическое развитие страны тормозилось ее почитанием традиций и подозрением к новому иностранному мышлению. Конфуцианство стало рассматриваться как один из блоков на пути к прогрессу. Но именно при коммунистах, захвативших власть в 1949 г., это учение подверглось гонениям. Мао считал конфуцианскую систему верований буржуазной и реакционной, философией, которая слишком долго держала людей в узде [8, с. 200]. Коммунизм для Мао означал уничтожение всего, что было раньше. В первые годы Культурной революции, в середине 1960-х гг., это проявилось в насилии против всего, что предшествовало господству партии. Однако теперь отчетливо

наблюдается возрождение их влияния при действующем главе китайского государства Си Цзиньпине [15, с. 12].

Конфуцианская этика нашла наибольшее применение в политике мягкой силы (soft power), ставшей фундаментом дипломатической стратегии Китая [5, с. 137]. Мягкая сила отличается от жесткой тем, что она основана на привлечении других международных акторов к политическим взглядам, статусу и политике страны для общего понимания и сотрудничества на взаимовыгодной основе. Национальная мощь всегда рассматривалась как способность государства достигать желаемых целей путем воздействия на поведение других государств или субъектов [12, с. 224]. Историческое и традиционное представление о власти связано главным образом с материальными возможностями и ресурсами принуждения и конкуренции. Однако национальные интересы также могут быть достигнуты без применения принуждения и применения жесткой силы [4, с. 37].

Очевидной политикой древнего Китая было правление периферией посредством привлечения, и использование мягких средств помогло китайцам установить иерархическую систему власти и порядок в Восточной Азии. Поворот Китая к расширению мягкой силы стал результатом беспрецедентного роста благополучия страны. Хотя исторически различные китайские династии оставались центром притяжения и очарования для других, преимущественно в Восточной Азии и географической области, которую они контролировали в древние времена, но современный Китай считается революционным, ревизионистским и ориентированным на жесткую власть государством с 1949 г. До начала XXI в. мягким средствам власти уделялось меньше внимания. Китаю не хватало всеобъемлющей и последовательной стратегии проецирования мягкой силы до глобальной экономической депрессии 2008 г. [6, с. 52].

Представление Китая о мягкой силе основано на трех компонентах привлекательности: доброжелательности, блеске и красоте. Китайские лидеры заявляют, что сила Китая основана на добрых ценностях, традициях и подходах наряду с практикой [10, с. 2165]. Это представление о великодушии подтверждается трудами и учениями Конфуция, который выражал восхищение королем, который полагается на моральный авторитет и моральную силу в противовес принуждению и применению силы. Для китайцев «царственный путь» предпочтительнее и в конечном итоге восторжествует над простой гегемонией (причем последнее является практикой ведущей мировой сверхдержавы, Соединенных Штатов Америки) [25]. Таким образом, китайская концепция мягкой силы по своей сути является мирной и кооперативной по своей природе, в отличие от американского самоопределения, которое они считали гегемонистским по своей природе [18, с. 259].

Успех Китая проявляется в его экономической модели и росте, которые помогли ему пережить мировой финансовый кризис и в то же время способствовали восстановлению мировой экономики на посткризисном этапе. Успех Китая проявляется также в его последовательном стремлении вывести миллионы своих граждан из состояния крайней нищеты. Более того, будучи развивающейся державой, она избегала вмешательства во внутренние дела других государств и в основном придерживалась принципов мирного сосуществования и невмешательства [16, с. 158].

Потенциал китайской мягкой силы раскрывается в разнообразном проявлении уникальной модели развития страны. Китай привлекает внимание всего мира, независимо от различных культурных, политических и экономических систем. Китайская мягкая сила основана на культурных и цивилизационных координатах. Там, где американская мягкая сила основана на современных культурных чертах, китайские представления о мягкой силе основаны на традиционных китайских культурных ценностях. Американская мягкая сила продвигает либеральные политические и гражданские ценности, в то время как китайская основана в основном на привлечении

передовых образцов экономического развития [7, с. 70]. Китайская концепция мягкой силы была расширена с точки зрения ее ресурсов, характера, подхода и полезности. Основана на китайской культуре как ключевом ресурсе. Хотя культура является доминирующей частью китайской политики мягкой силы, это не единственный аспект.

Этика китайской мягкой силы проявляется в традиционных культурных и конфуцианских ценностях добродетели, а также в ее недавнем бесприигрышном подходе в отношениях с внешним миром. Основная особенность мягкой силы заключается в том, что, если страна обладает замечательными культурными чертами и традициями, а также идеологической системой, она будет привлекать внимание других. Китай считает, что именно моральный авторитет и моральные принципы являются истинным ресурсом притяжения, который укрепляет базу влияния страны по сравнению с американской мягкой силой [1, с. 94].

Китай включает внешнеполитические механизмы и экономическое государственное управление в свою область подхода «мягкой силы». Для китайского руководства внешнеполитические инициативы, такие как отношения, основанные на равенстве и партнерстве, и экономические дипломатические инициативы, такие как торговля, помощь, инвестиции и интеграционная модель инициативы «Один пояс и путь» (BRI), являются компонентами имиджа Китая, основанного на его привлекательности. Здесь можно утверждать, что представления Китая о мягкой силе основаны на культурной и экономической дипломатии, а также на мягких внешнеполитических начинаниях сотрудничества и интеграции [13, с. 39].

Китай реализует различные стратегии по продвижению культурных и социально-экономических ресурсов в целях укрепления своей мягкой силы. Его стратегия предполагает не только продвижение культурного потенциала и особенностей, но также экономических и торговых инициатив, включая стратегии регионального сотрудничества и развития. Древние исторические и культурные образцы, традиции и ценности Китая являются основными источниками притяжения для региона, а также для международного сообщества. Для китайской нации важно повышать свою культурную и социальную привлекательность. Чем привлекательнее ее культурные черты и модель, тем больше она воспринимается другими, и, как следствие, у нее больше шансов создать мягкий имидж и власть страны. Акцент Китая на мирном развитии, мирном сосуществовании и гармонии обеспечивает основополагающую основу, универсальную по своей привлекательности, и может создать новый набор принципов, которые могут способствовать принятию морали в международной политике [2, с. 178].

Действующий китайский лидер Си Цзиньпин активно занимается продвижением китайских культурных ценностей во всем мире. Администрация Си Цзиньпина сосредоточена на продвижении китайского социального, экономического и культурного развития в мире. В этом стремлении Китай вкладывает значительные средства в сети средств массовой информации для распространения своих повествований и укрепления и расширения контактов между людьми [17, с. 28].

Создание Институтов Конфуция в различных частях мира можно рассматривать как заметное проявление китайской дипломатии продвижения культуры. Целью Институтов Конфуция является содействие преподаванию китайского языка и культуры, а также содействие гармонии между людьми, а также оказание помощи в разработке образовательных программ. Эти институты нацелены на создание платформы, которая может привлечь внимание к китайской культуре посредством различных мероприятий и поощрения студентов к участию в программах культурного и образовательного обмена [11, с. 233].

Институты Конфуция призваны привлечь мировую общественность к современному Китаю и его особенностям исторической культуры и цивилизации. Их основной

целью было содействие позитивной характеристике китайского общества и пацифистскому наследию традиций Конфуция и, следовательно, поддержка улучшения мягкого имиджа Китая. Многие критики на западе считают, что эти институты подавляют обсуждение таких деликатных вопросов, как проблемы Тибета, Синьцзяня, Тайваня, Гонконга [21].

Средства массовой информации также играют жизненно важную роль в формировании, распространении и привлечении общественного мнения посредством позитивной характеристики Китая, его государства, общества и развития. Потребление внешней мягкой силы Китаем включает в себя проектирование и распространение своих внешнеполитических позиций по мировым проблемам, создание хорошего международного имиджа Китая и смягчение внешней среды. В рамках китайской стратегии «выхода на улицу» и «выхода на глобальный уровень» Китай поощряет основные средства массовой информации расширять освещение и оказывать потенциальное благоприятное влияние на мировое общественное мнение [3, с. 53]. Благодаря этому Китай стремится потенциально сформировать источники механизмов общественного влияния. При Си Цзиньпине Китай начал активную деятельность по расширению охвата китайских СМИ и, следовательно, их влияния [14, с. 19]. Посредством расширения охвата средств массовой информации Китай стремится к достижению двух основных целей. Во-первых, он охватит более широкую аудиторию за рубежом и расскажет о мирном и ответственном Китае, что, как следствие, поможет противостоять восприятию «китайской угрозы» в западных странах и создаст позитивный имидж Китая. Во-вторых, это обеспечило бы конкуренцию западным средствам массовой информации, в которых доминирует нарратив угрозы [20, с. 28].

Государственная поддержка китайских СМИ дает им преимущество перед другими международными СМИ, поскольку они свободны от бюджетного и рыночного давления. Благодаря глобальному охвату китайских международных средств массовой информации китайское государство обладает мощными средствами массовой информации и методами для распространения своих повествований и имиджа среди мировой общности [24].

Китай создал множество возможностей для продвижения своей культуры, языка и традиций во всем мире посредством программ культурного обмена, спорта, искусства и исполнительского искусства, музыки, кино и литературы. Он также предоставляет платформу для бесчисленных правительственных и неправительственных семинаров, конференций и диалоговых центров для взаимодействия, сотрудничества и дискуссий китайского народа с внешним миром. В этой связи Пекинский форум, Азиатский форум Боао и Форум развития Китая можно упомянуть в качестве площадок для интерактивного диалога с целью создания положительного имиджа Китая [19, с. 141].

Помимо этих инициатив, крупные инвестиции Китая в образовательные обмены, стипендии и сотрудничество в области исследований заслужили хорошую репутацию. Китайское правительство ежегодно предоставляет иностранным студентам более 20 000 стипендий по различным предметам — от науки и техники до искусства и социальных наук. В частности, стипендии для изучения китайского языка, литературы и культуры с большим энтузиазмом предоставляются в Китае, а также в разных зарубежных странах через конфуцианские институты. Китай также предлагает ряд краткосрочных дипломов и курсов, исследовательских визитов и возможностей для повышения квалификации иностранным государственным служащим, дипломатическому персоналу и даже военным курсантам и офицерам дружественных и партнерских государств по всему миру [22, с. 101].

Хотя культурная дипломатия крайне важна для Китая, но его реальная мягкая сила основана на его экономической дипломатии. Стремительное экономическое

развитие Китая, сокращение масштабов нищеты, расширение торгово-экономического сотрудничества на основе региональной и межрегиональной интеграции привлекли внимание различных мировых лидеров. Различные страны начали рассматривать Китай как развивающуюся великую державу, способную противостоять давлению США и Запада и добившуюся успеха в обеспечении безопасности, стабильности нации и процветания общества. Это дало другим странам стимулы для получения выгод от социально-экономических инициатив.

Отсюда можно сделать вывод, что Китай выделил огромные суммы финансовой помощи и содействия развивающимся странам, даже используя «нестандартные» методы. Она значительно завоевала сердца и умы стран, которые находятся под давлением западных стран из-за их политической системы, условий соблюдения прав человека и сдержанных отношений.

Обсуждение

Внешнеполитическая стратегия мягкой силы представляет собой воплощение идеалов конфуцианской этики в целях создания позитивного имиджа государства на международной арене. Стратегия создания национального имиджа Китая направлена на усиление его мягкой силы посредством государственной политики, продвижения культуры и экономической дипломатии. Китай использует свою мягкую силу для достижения конечной цели «омоложения нации».

Наряду с традиционными целями, Китай также стремится к достижению цели установления внутренней привлекательности, умиротворения народного национализма и легитимности режима КПК. С одной стороны, Китаю удалось установить дружественные отношения со многими развивающимися странами мира, но его популярность в развитых и крупных державах мира еще предстоит повысить. У него есть потенциальная напряженность в отношениях со своими соседями по территориальным вопросам, и его жесткая позиция в отношении «основных интересов» еще больше усложнила ситуацию.

Выводы

Различные государства считают Китай могущественной страной, обладающей потенциалом и способностью противостоять глобальным вызовам и способной противостоять угрозам и давлению, исходящим от таких могущественных государств, как США. Она может обеспечить процветание своих граждан и большее благо для населения всего мира. Это также стало здоровым вкладом в список великих держав, которые могут противостоять односторонним тенденциям в международной системе и обеспечить стабильность международного порядка. Китайский рост предоставил другим странам возможность воспользоваться преимуществами социально-экономических инициатив Китая в области развития и инфраструктуры.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что китайское руководство выступает за использование классических конфуцианских концепций для объяснения основных мотивов и подходов экономической и культурной экспансии Китая. Более глубокое понимание конфуцианской мысли обогащает понимание современной внешней политики Китая и, в частности, того, как глава китайского государства Си Цзиньпин пытается обратиться к глобальной аудитории.

Литература

1. Алиев У. Ж. Почему именно конфуцианство является государственной идеологией Китая? // Философия хозяйства. 2020. № 5 (131). С. 93–109.

2. *Блажкина А. Ю.* Концепция великого единения (Да Тун) в конфуцианском трактате «Кун-Цзыцзяй» // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 177–189.
3. *Загородний В. В.* Правовой симбиоз конфуцианства и коммунистической доктрины в развитии конституционализма Китайской народной республики // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2020. № 12. С. 51–60.
4. *Занина Л. В., Ли Н.* Методологические основы патриотического воспитания в Китайской народной республике // Мир университетской науки: культура, образование. 2021. № 2. С. 36–42.
5. *Кожухова К. Е.* «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 136–144.
6. *Кожухова К. Е.* Роль философии конфуцианства, легизма и маоизма в формировании стратегической культуры КНР // Вестник ученых-международников. 2020. № 3 (13). С. 49–57.
7. *Ли Я.* Идеи конфуцианства в современной внешнеполитической стратегии Китая // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 69–71.
8. *Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А.* Социальные практики конфуцианства начала XX в.: Кан Ю-Вэй и «Небесный народ» // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 199–213.
9. *Орбодоева М. В., Янгутов Л. Е.* Формирование принципов взаимоотношений буддизма и государственной власти в имперском Китае // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 140–153.
10. *Отабоев А. А.* Эволюция научных взглядов по вопросу об обществе и политических институтах // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50). С. 2164–2169.
11. *Смоляков В. А.* Восточная Азия: культурная уникальность и универсализм через призму международных сопоставлений. Часть первая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 4. С. 226–234.
12. *Смоляков В. А.* Восточная Азия: соотношение культурной уникальности и универсализма в развитии политических систем. Часть вторая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 224–231.
13. *Тарасов А. Н., Сорокина Е. Д., Огаркова С. А.* Конфуцианство и современная социокультурная трансформация // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 2-3. С. 38–42.
14. *Ту В.* Духовный гуманизм: личность, социум, земля и небо // Век глобализации. 2019. № 2 (30). С. 16–37.
15. *Тушков А. А., Алехина А. П.* Конфуцианский образ нравственного идеала в современном Китае // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73). С. 2584–2590.
16. *Тушков А. А., Алехина А. П.* Этико-философские учения как паттерн формирования культурной идентичности Китая // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 157–163.
17. *Чебунин А. В.* Начальный период проникновения, распространения и китаизации буддизма в Китае // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. № 2. С. 20–30.
18. *Ding S.* Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: A new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. N 19(64). P. 255–272.
19. *Hu S.* Confucianism and Contemporary Chinese Politics // Politics & Policy. 2007. N 35(1). P. 136–153.
20. *Mirza M. N.* Systemic Transformations and Chinese Image of the World Order: Transcending Great Wall through Neo-Confucianism and Tianxia Systems // Asia Pacific. 2020. N 38. P. 22–38.
21. *Nye Jr. J. S.* Soft power: The origins and political progress of a concept // Palgrave Communications. 2017. N 3(1). P. 10–13.
22. *Shambaugh D.* China's Soft-Power Push: The Search for Respect // Foreign Affairs. 2015. N 94(4). P. 99–107.
23. *Swaine M. D.* Chinese Views and Commentary on the «One Belt, One Road» Initiative // China Leadership Monitor. 2015. N 47. P. 25–29.
24. *习近平出席全国宣传思想工作会议并发表重要讲话* // 中华人民共和国国务院公报 (2018年第10号) (Си Цзиньпин принял участие в Национальной конференции по пропаганде и идеологической работе и выступил с важной речью // Коммюнике Госсовета КНР (№ 10, 2018)).
25. *人民要论: 古丝绸之路与共建一带一路* // 中华人民共和国国务院公报 (2019年第8号) (Народные основы: Древний шелковый путь и совместное строительство пояса и пути // Вестник Госсовета КНР (№ 8, 2019)).

Об авторе:

Ли Сяосюань, аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sherrysuan931009@mail.ru

References

1. Aliev U.Zh. Why is Confucianism the state ideology of China? // Philosophy of economy [Filosofiya khozyaistva]. 2020. N 5 (131). P. 93–109 (in Rus).
2. Blazhkina A.Yu. The concept of great unity (Da Tong) in the Confucian treatise “Kun-Zijiayu” // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2021. N 4. P. 177–189 (in Rus).
3. Zagorodny V.V. Legal Symbiosis of Confucianism and Communist Doctrine in the Development of Constitutionalism in the People's Republic of China // Bulletin of the Donbas Law Academy. Legal Sciences [Vestnik Donbasskoi yuridicheskoi akademii. Yuridicheskie nauki]. 2020. N 12. P. 51–60 (in Rus).
4. Zanina L.V., Li N. Methodological foundations of patriotic education in the People's Republic of China // World of university science: culture, education [Mir universitetskoi nauki: kul'tura, obrazovanie]. 2021. N 2. P. 36–42 (in Rus).
5. Kozhukhova K.E. “Strategic culture” in the scientific discourse of China // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2021. N 3. P. 136–144 (in Rus).
6. Kozhukhova K.E. The role of the philosophy of Confucianism, Legalism and Maoism in the formation of the strategic culture of the PRC // Bulletin of International Scholars [Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov]. 2020. N 3 (13). P. 49–57 (in Rus).
7. Li Ya. Ideas of Confucianism in the modern foreign policy strategy of China // Information wars [Informatsionnye voyny]. 2021. N 1 (57). P. 69–71 (in Rus).
8. Martynov D.E., Martynova Yu.A. Social practices of Confucianism in the early 20th century: Kang Yu-Wei and the “Heavenly People” // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 2021. N 5. P. 199–213 (in Rus).
9. Orbodoeva M.V., Yangutov L.E. Formation of the principles of the relationship between Buddhism and state power in imperial China // Questions of history [Voprosy istorii]. 2019. N 3. P. 140–153 (in Rus).
10. Otaboev A.A. Evolution of scientific views on the issue of society and political institutions // Questions of Political Science [Voprosy politologii]. 2019. Vol. 9. N 10 (50). P. 2164–2169 (in Rus).
11. Smolyakov V.A. East Asia: cultural uniqueness and universalism through the prism of international comparisons. Part One // Social and Humanitarian Sciences in the Far East [Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke]. 2020. V. 17. N 4. P. 226–234 (in Rus).
12. Smolyakov V.A. East Asia: correlation of cultural uniqueness and universalism in the development of political systems. Part two // Social and humanitarian sciences in the Far East [Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke]. 2021. V. 18. N 1. P. 224–231 (in Rus).
13. Tarasov A.N., Sorokina E.D., Ogarkova S.A. Confucianism and modern socio-cultural transformation // Modern studies of social problems [Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem]. 2021. Vol. 13. N 2-3. P. 38–42 (in Rus).
14. Tu V. Spiritual humanism: personality, society, earth and sky // Century of globalization [Vek globalizatsii]. 2019. N 2 (30). P. 16–37 (in Rus).
15. Tushkov A.A., Alekhina A.P. Confucian Image of the Moral Ideal in Modern China // Questions of Political Science [Voprosy politologii]. 2021. Vol. 11. N 9 (73). P. 2584–2590 (in Rus).
16. Tushkov A.A., Alekhina A.P. Ethical and philosophical teachings as a pattern for the formation of China's cultural identity // Voprosy politologii [Voprosy politologii]. 2022. Vol. 12. N 1 (77). P. 157–163 (in Rus).
17. Chebunin A.V. The initial period of penetration, spread and sinization of Buddhism in China // Bulletin of the Buryat State University [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2019. N 2. P. 20–30 (in Rus).
18. Ding S. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: A new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. N 19(64). P. 255–272.
19. Hu S. Confucianism and Contemporary Chinese Politics // Politics & Policy. 2007. N 35(1). P. 136–153.
20. Mirza M.N. Systemic Transformations and Chinese Image of the World Order: Transcending Great Wall through Neo-Confucianism and Tianxia Systems // Asia Pacific. 2020. N 38. P. 22–38.

21. Nye Jr. J.S. Soft power: The origins and political progress of a concept // Palgrave Communications. 2017. N 3(1). P. 10–13.
22. Shambaugh D. China's Soft-Power Push: The Search for Respect // Foreign Affairs. 2015. N 94(4). P. 99–107.
23. Swaine M.D. Chinese Views and Commentary on the "One Belt, One Road" Initiative // China Leadership Monitor. 2015. N 47. P. 25–29.
24. Xi Jinping attended the National Propaganda and Ideological Work Conference and delivered an important speech // Communiqué of the State Council of the People's Republic of China. 2018. N 10 (in Chinese).
25. People's Essentials: The Ancient Silk Road and the Belt and Road Initiative // Gazette of the State Council of the People's Republic of China. 2019. N 8 (in Chinese).

About the author:

Li Xiaoxuan, Postgraduate Student of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation); sherrysuan931009@mail.ru